

Сочти число зверя, число его —
шестьсот шестьдесят шесть.

Откровение св. Иоанна Богослова

Если убитой пантере не опалить
немедленно усов, дух ее будет пре-
следовать охотника.

Абиссинское поверье

Глава 1

ПРОПАВШИЙ МЕРТВЕЦ

Москва, март 2001 года

1

Отец Кишлевский, высокий и худой, в элегантной черной сутане и черной шапочке-пилеолусе, скрывающей наметившуюся плешь, заложив руки за спину, вышагивал по асфальтовой аллее церковного сквера. Его костлявое лицо было хмурым и сосредоточенным. Вот уже три дня он ломал голову над одной проблемой, разрешить которую совершенно не представлялось возможным.

С одной стороны, долг гражданина требовал от него сообщить о странном посетителе куда следует. (Да и не только долг гражданина. Речь шла об очень серьезных вещах.) С другой — все, о чем поведал посетитель, было сказано во время исповеди, пусть даже исповедь — голая условность, и налет сакральности ей придавал лишь антураж исповедальной будки.

Предложение, которое странный посетитель сделал отцу Кишлевскому, было диким и страшным по своей сути, однако столь нелепым, что, положив руку на сердце, вполне можно было не обращать на него внимания. Нельзя же воспринимать всерьез фантазии безумца.

Однако что-то подсказывало Кишлевскому, что посетитель не столько безумец, сколько одержим. И у него есть деньги. Много денег. А человек, одержимый идеей (какой бы безумной она ни была) и имеющий деньги для ее осуществления, — такой человек уже не смешон, а опасен. Очень опасен!

Возле мраморных ступеней храма священник остановился и, задрвав голову, посмотрел на раскачиваемые ветром кроны тополей, как бы спрашивая у них совета. Но природа — плохой советчик в вопросах, касающихся темного свитка человеческой души. Природа находится по ту сторону добра и зла.

«Хватит, — сказал себе отец Кишлевский, ступая на мраморную ступень. — Отложу эти размышления на вечер».

Неприятные мысли, овладевшие разумом отца Кишлевского под сенью московских тополей, поблекли и стушевались в церкви, как всегда уступая место набожности, осененной мерным, тихим светом свечей. Где еще человеку обрести спокойную уверенность в жизни и в себе, как не в жилище Господа? «Я спокоен, Господи, ибо верую в Тебя. Я спокоен в Тебе и через Тебя. Спокоен, ибо вера моя непоколебима».

— Святой отец, в будке посетитель, — сообщил, почтительно подходя, пожилой помощник.

— Давно он ждет?

— Минуты две.

— Спасибо, Петр.

Отец Кишлевский сурово сдвинул брови и вошел

в исповедальню. Осенив себя крестным знаменем, он посмотрел на темную решетку, по ту сторону которой угадывался силуэт сидящего человека, и сказал:

— Слушаю вас, сын мой.

— Святой отец... — тихо начал посетитель. — Я согрешил.

Посетитель замолчал и словно погрузился в размышления. Молчание его затянулось, и Кишлевский нетерпеливо спросил:

— Сын мой, скажите, в чем заключается ваш грех?

Отец Кишлевский сложил руки на коленях и приготовился слушать. Посетитель помолчал еще несколько секунд, потом проговорил:

— Я доверил свою тайну человеку, который не заслуживает этого.

Кишлевский вздрогнул. Он узнал этот голос.

— Вы? — тихо воскликнул священник. — Я ведь, кажется, ответил вам! Зачем вы пришли?

За решеткой послышался легкий смешок.

— Любой прихожанин имеет право на исповедь, разве не так?

— Перестаньте паясничать!

И снова этот легкий, еле различимый смешок.

— Вы только подумайте о грандиозности нашего замысла, отче, — заговорил посетитель хриплым шепотом. — Вы ведь священник. Разве вы не хотите встретиться с вашим божеством лицом к лицу?

— Я не желаю принимать участие в вашей дьявольской афере. И молитесь Богу, чтобы я не рассказал о вас кому следует.

— Вы правда готовы нарушить тайну исповеди? — со смехом спросил посетитель. — Нет, не верю. Впрочем, люди, подобные вам, способны на все. Итак, спрашиваю в последний раз: вы примете мое предложение?

— Нет, — твердо и угрюмо ответил отец Кишлевский. — Никогда.

— Что ж...

За решеткой послышался тихий звук, словно по исповедальне пронесся ветер, в лицо Кишлевскому дохнула прохлада, перед глазами закружилось черное облако, и в этом облаке вспыхнули два кровавых глаза. По спине священника прокатилась ледяная волна, сердце захолонуло и сжалось как от страшной тоски. Внезапно священнику стало душно, и он почувствовал, что задыхается.

— Зверь! — с ужасом прошептал Кишлевский, рванул на шее воротничок и вскочил со скамьи, намереваясь выбежать из будки. Но не успел. Из горла отца Кишлевского вырвался протяжный стон, лицо его побагровело. Он покачнулся, хватая руками пустоту, и, потеряв равновесие, рухнул на скамью. Сердце священника остановилось.

2

Капитану УВД Егору Петровичу Соловьеву было сорок два года. Из них пятнадцать лет он провел в «органах», заработал себе на этом поприще медаль за боевые заслуги, два ножевых ранения и нелюбовь начальства, которое не жаловало Соловьева за дурной характер и привычку «лезть в бочку» из-за каждого пустяка.

К этому следует добавить, что капитан Соловьев не верил в Бога, считал всех священников шарлатанами, а единственным дьяволом, существование которого он признавал безоговорочно, был его начальник — полковник Жук. Именно по его вине Соловьев в свои сорок два года был всего лишь капитаном и не имел ни единого шанса дослужиться до майора.

Часы показывали пять часов вечера. За плечами у Соловьева был тяжелый, суетный день с ранним пробуждением, и сейчас капитан отдал бы все на свете за рюмку холодной водки, горячий ужин и теплую постель.

Вместо этого капитан Соловьев сидел на стуле, закинув ногу на ногу, и посвящал дьякона в нюансы жутковатого и нелепого дела.

— Один из прихожан обратил внимание на золотые часы, — говорил капитан Соловьев, поглядывая на спину собеседника.

Стоявший у окна высокий мужчина в синем подрыснике, выгодно подчеркивающим его стройную широкоплечую фигуру, повернулся к капитану и переспросил:

— Часы?

Соловьев кивнул:

— Да, часы. Согласитесь, золотые часы на запястье простого кладбищенского сторожа не могут не вызвать подозрений. Точно такие же часы были у Кишлевского. Прихожанин заподозрил неладное и позвонил в милицию. — Капитан Соловьев помолчал несколько секунд, затем дрогнувшим голосом продолжил: — К сожалению, мы опоздали. Сторож Кузнецов удавился у себя в сторожке. Повесился на деревянной балке. Допросить его, как вы понимаете, мы не успели.

Рассказывая о жутких событиях минувшего дня, капитан с откровенной неприязнью поглядывал на спину и плечи дьякона.

Длинные каштановые волосы святоши крупной волной спадали на плечи. Руки его были заложены за спину. Соловьев подозревал, что дьякон вовсе не смотрит во двор, а наблюдает за его отражением в оконном стекле. И вероятность этого нехитрого приема еще больше раздражала его.

— Мы приложили все усилия, чтобы история о раскопанной могиле и самоубийстве кладбищенского сторожа не попала в газеты, — продолжил Соловьев. — Но от газетчиков разве скроешь. В этом чертовом мире можно купить любую информацию.

Отец Андрей повернулся и взглянул на капитана с мрачноватым любопытством.

— Значит, номер «Московского комсомольца», который я видел...

— Это завтрашний номер, но мы не имеем к этой статье никакого отношения! — резко сказал капитан Соловьев. — Более того, полковник Жук звонил в редакцию газеты и просил выбросить эту статью.

— И они, конечно же, отказались.

— Разумеется. — Капитан Соловьев усмехнулся, обнажив на миг желтоватые, прокуренные зубы. — Это ведь сенсация! А журналисты за сенсацию мать родную продадут.

Дьякон вспомнил подзаголовок статьи — «Священник поднялся из могилы, чтобы наказать мароде-ра» — и поморщился.

— Вы сами присутствовали при эксгумации? — спросил он после паузы.

— А как же. Не дай вам Бог когда-нибудь этим заниматься, святой отец. Когда с гроба сбивали крышку, меня чуть наизнанку не вывернуло. Вы будете смеяться, но я даже обрадовался, когда увидел, что гроб пуст.

Отец Андрей кивнул, словно и впрямь понимал чувства капитана, затем спросил:

— Вы уверены, что сторож покончил жизнь самоубийством?

— Дверь комнаты была закрыта изнутри, — сказал капитан. — Если это не самоубийство, то что? Хотя у вас, святош, могут быть свои соображения на этот

счет. Например, в трубу дымохода мог влететь Санта-Клаус и накинуть веревку сторожу на шею.

Капитан Соловьев замолчал, поняв, что перегнул палку.

— Да, — рассеянно проговорил отец Андрей. — Это вполне может быть.

Казалось, его занимали совсем другие мысли. Отец Андрей вздохнул и с полминуты стоял молча. Соловьев тем временем внимательно разглядывал своего собеседника. Он был молод (лет двадцать семь, не больше), высок, худощав, смугл и очень опрятен.

Раздражение Соловьева нарастало. «Какого черта этот святоша лезет в наши дела? — в который раз за вечер подумал он. — Взять бы его за шиворот и вышвырнуть из кабинета».

Однако вышвырнуть было нельзя. Дьякона Управлению МВД навязала Московская патриархия, отдел, отвечающий за связи с правоохранительными органами и Вооруженными силами. Полтора часа назад полковник Жук позвонил Соловьеву и отдал четкие распоряжения: «Дьякону не грубить. Относиться к этому как к простой формальности».

С Патриархией полагалось дружить, таковы были последние веяния. Еще какие-нибудь десять лет назад в церквях ошивались одни лишь набожные старушки. А сейчас вера в Бога стала таким же модным атрибутом, как увлечение теннисом и горными лыжами.

Капитан Соловьев щелкнул крышечкой старой дюралевой зажигалки и прикурил папиросу. По комнате пополз едкий дымок.

— Что со следами? — поинтересовался дьякон.

Соловьев нахмурился:

— Следы есть. Аж целых три. Два из них принадлежат сторожу — это мы установили точно. Принадлежность еще одного следа установить не удалось. Это

оттиск ботинка. Размер соответствует размеру ботинок Кишлевского.

Дьякон посмотрел на капитана удивленно.

— Вы хотите сказать...

— Я не сумасшедший, — перебил его капитан Соловьев. — Мертвые не ходят. Возможно, когда Кишлевского вынимали из гроба, его подошва случайно коснулась рыхлой поверхности земли. Как бы то ни было, другого объяснения у меня нет.

Дьякон, задумчиво поглядывая в окно, достал сигареты и закурил.

— Отец Кишлевский был замечательным человеком и хорошим священником, — сказал он.

— Говорят, что так, — кивнул капитан Соловьев. — А еще говорят, что до того, как стать священником, он был ученым и занимался генетикой.

Дьякон повернулся, посмотрел на Соловьева твердым взглядом и сказал:

— Я бы хотел осмотреть могилу Кишлевского.

— Вы хотите, чтобы я вас сопровождал? — спросил капитан Соловьев.

— Необязательно, — ответил отец Андрей. — Возможно, кто-нибудь из ваших людей...

— Хорошо, — сказал Соловьев. — Вас будет сопровождать наш стажер — младший лейтенант Гранович. Уверен, вы работаетесь.

3

Жил себе человек на свете. Жил и жил, а потом помер. Внезапно, без всякой причины. Казалось бы — все, конец земной жизни и земным проблемам. Но на этом неприятности не кончились. Кто-то выкопал тело человека из могилы, вынул его из гроба и куда-то

унес. Кладбищенский сторож снял с трупа золотые часы, а через полчаса удавился.

«Слишком много событий для одного пасмурного мартовского дня», — думал отец Андрей, стоя в церковном сквере и закуривая сигарету.

В специальное подразделение Синодального отдела по связям с правоохранительными органами дьякон Андрей Берсенев попал шесть месяцев назад. Архиепиеей Филарет, духовник и прямой начальник дьякона, выразился на этот счет вполне определенно:

— Его Святейшество уверен, что ваше присутствие в отделе принесет гораздо больше пользы, чем работа в Секретариате.

Дьякон не был в этом уверен и поделился своими сомнениями с архиепископом.

— Все будет хорошо, — заверил его тот. — Работа вам понравится. Кроме того, вы по-прежнему сможете читать лекции в университете.

Последний довод оказался решающим, и отец Андрей согласился. Его сразу предупредили, что заниматься ему придется довольно щекотливыми делами, не требующими огласки. Но он не думал, что первое дело будет настолько необычным.

Дьякон ворошил в уме факты из биографии Кишлевского, которая лежала у него в портфеле, стоя в церковном скверике и ожидая младшего лейтенанта Грановича, который должен был явиться с минуты на минуту.

В длинных смуглых пальцах отца Андрея дымилась сигарета. Дымок расплывался в синих сумерках, как капля чернил, упавшая в стакан с водой. По аллее сквера к дьякону приближалась стройная девушка. При взгляде на нее у дьякона в сердце засадила тупая игла. Отец Андрей отвернулся и стал смотреть на железную ограду сквера.

Легкие шаги девушки приближались. Вот она по-

равнялась с дьяконом и в следующую секунду должна была пройти мимо, но вдруг остановилась.

— Прошу прощения, — услышал отец Андрей у себя за спиной.

Он обернулся. Незнакомка стояла перед ним и серьезно разглядывала его лицо. Это была невысокая девушка со светлыми, почти платиновыми волосами, тщательно зачесанными назад. Миловидное лицо, светлые глаза. На аккуратном, чуть вздернутом носике очки в модной черной оправе, какие обожают носить бизнес-леди и редакторы женских журналов. Длинное светлое пальто строгого фасона было стянуто на тонкой талии широким поясом.

— Простите, вы — дьякон Андрей Берсенев? — спросила знакомка. Голос у нее был довольно низкий, но при этом чистый и приятного тембра.

— Да, — ответил дьякон слегка растерянно. — А вы...

— Младший лейтенант Евгения Гранович, — представилась девушка. Она окинула долговязую фигуру отца Андрея задумчивым взглядом и сказала: — Вы не похожи на дьякона.

— Вот как, — неопределенно проговорил отец Андрей. — На кого же я похож?

— На полкового врача. На вас даже пальто сидит, как офицерская шинель. Капитан Соловьев сказал, что вы хотите осмотреть могилу Кишлевского?

Дьякон склонил голову в знак согласия.

— Но оперативники там все осматривали и ничего не нашли, — возразила девушка.

— Возможно, им просто не повезло. — Отец Андрей затянулся сигаретой, выпустил облачко дыма и швырнул окурочек в железную урну. — Я могу называть вас просто Женя? — осведомился он у девушки.

— Можете, — кивнула она.

— Женя, это ваше первое дело?

— Да. Я окончила юридический факультет и намереваюсь стать следователем прокуратуры.

— Но почему вы проходите практику в следственном отделе УВД, а не в прокуратуре?

— Потому что сама сюда попросилась. Я была уверена, что здесь занимаются серьезными делами.

Отец Андрей посмотрел на девушку понимающим и сочувствующим взглядом.

— Вы разочарованы? — спросил он.

Она подумала и ответила:

— Немного. По-моему, здесь все очевидно. Сторож положил глаз на золотые часы ксендза. Ночью он вырыл тело бедняги и сорвал у него с руки часы.

— Но тело священника исчезло, — возразил дьякон. — Куда оно могло деться?

— Вот это меня интересует в самую последнюю очередь, — сказала Евгения. — Кузнецов мог его выбросить. Мог продать какому-нибудь доморощенному патологоанатому. А мог скормить бродячим псам. Все три версии одинаково омерзительны. И абсолютно неинтересны.

Отцу Андрею пришлось сделать над собой усилие, чтобы не улыбнуться.

— Мелковато для первого дела?

Евгения натянуто улыбнулась и ответила:

— Угадали.

4

На улице совсем стемнело. Дул холодный ветер. Дождя не было, но воздух, пропитанный сыростью, казался тяжелым, душным и грязным, как пропитанная водой половая тряпка. Фонари покачивались под порывами ветра, высвечивая голые ветви деревьев, за-

ставляя тени шевелиться и метаться из стороны в сторону.

Шагая по кладбищу, Евгения старалась не смотреть по сторонам. Слишком живо все это напомнило ей одну историю пятнадцатилетней давности. Она стояла, хрипло дыша, прижав котенка к груди и чувствуя спиной холодные кирпичи стены. Стояла и смотрела на мальчишек полными ужаса глазами. Бежать ей было некуда.

— Эй, ты что? — спросил один из мальчишек, невысокий и рыжий. — Чего тебе надо?

— Не убивайте его, — попросила Женя.

— Чего-о? — Рыжий оглянулся на вожака компании, рослого, крепкого мальчишку. — Слышал, Костолом? — хохотнул он. — «Не убивайте его». Котенка, дура, пожалела!

Однако вожак пристально и задумчиво смотрел на девочку, словно на загадочное насекомое, которому неплохо было бы оборвать лапки.

— Мы не убьем его, — сказал он вдруг.

— Не убьем? — изумился рыжий.

— Да, не убьем. Но при одном условии.

Женя прижала котенка к груди и с ужасом уставилась на мальчишек. Нужно было спросить, о каком условии они говорили, но у Жени на это не хватало духу.

— Ну? — спросил заводила. — Ты не хочешь узнать, что это за условие? Или ты уже передумала спасти котенка?

— Я... — В горле у Жени пересохло. — Я хочу... Хочу спасти.

Заводила кивнул.

— Хорошая девочка. Мама, наверное, тобой гордится. Так вот, мы не убьем котенка и разрешим тебе его унести. Но за это ты пойдешь на кладбище и проведешь там полчаса. Одна. Ты согласна?

— Я?.. — При мысли о кладбище у Жени перехватило дух. Но тут котенок жалобно мяукнул у нее на руках, и она пробормотала: — Я согласна.

5

— Что с вами? — спросил отец Андрей, тревожно посмотрев на девушку.

— Так, вспомнила кое о чем, — тихо ответила Евгения, неприязненно поглядывая по сторонам. — Не люблю кладбища.

— Я вас понимаю, — сказал дьякон. — Кладбище — территория мертвецов, и живой человек, оказавшийся здесь ночью, кажется сам себе чужеродным телом. Как овца, забредшая в волчью стаю. Но эти волки уже не укусят, уверяю вас.

Уверенный тон отца Андрея слегка приободрил Евгению. Однако резкий порыв пронизывающего ветра вновь заставил ее поежиться.

— Мы пришли, — сказал отец Андрей, останавливаясь перед большим деревянным крестом.

Дьякон тотчас достал из кармана фонарик и присел рядом с рыхлым холмиком земли на корточках.

Евгения не спешила следовать его примеру. Она стояла, сжимая руками в перчатках воротник пальто, и с неприязнью смотрела на деревянный крест и рыхлую землю свежей могилы. Отец Андрей обернулся, глянул мельком на девушку и сказал:

— Если вам неприятно здесь находиться, можете отойти к тем деревьям.

Евгения посмотрела на деревья и усмехнулась.

— Думаете, там мне будет уютнее? Спасибо, я останусь.

— В таком случае постарайтесь не наступать на рыхлую землю, — попросил отец Андрей.

Он направил луч фонарика на могильный холмик и принялся пристально изучать землю — сантиметр за сантиметром. Постояв несколько минут, Евгения передернула плечами и осведомилась:

— Ну, что там с землей?

— Рыхлая, — сообщил дьякон.

— Не может быть, — усмехнулась Евгения.

— Н-да, — пробормотал дьякон с досадой. — Если здесь и были какие-то следы, то их благополучно затоптали. Давайте посмотрим вокруг.

Он принялся исследовать землю вокруг могильного холма, особенно с той его стороны, которая была ближе к кладбищенским воротам. Евгения смотрела на его старания с нескрываемой насмешкой. Наконец она не выдержала.

— Послушайте, дьякон, не далее как два часа назад оперативники все тут осмотрели. Или вы собираетесь проползать на коленях все кладбище?

— Думаю, это не понадобится, — отозвался отец Андрей. Луч его фонарика скользил по бурой земле, высвечивая мелкие камни и впадинки, словно прожектор лунохода по поверхности Луны.

Прошло еще минут десять. Наконец отец Андрей поднялся на ноги и, по-прежнему светя себе фонариком, прошел шага три. Вдруг он остановился. Даже не нужно было видеть лица дьякона, чтобы понять, что тот что-то обнаружил.

— Что? — спросила Евгения недоверчиво. — Вы что-то нашли?

— Похоже на то. — Отец Андрей направил луч на землю и сказал: — Взгляните на это.

Евгения уставилась на рыжий кружок света. Но единственным, что ей удалось разглядеть, был черный жук, одиноко бредущий между бурых комочков земли.

— Видите? — спросил отец Андрей.

Евгения взгляделась еще пристальнее и даже при-

села возле освещенного фонариком участка земли, но снова ничего не увидела.

— Что я должна увидеть?

— Да вот же! — Дьякон указал пальцем. — Это цифры!

Евгения слегка прищурила глаза за стеклами очков, силясь разглядеть цифры, о которых говорил отец Андрей. Постепенно ей стало казаться, что она действительно что-то видит.

— Ну? — нетерпеливо спросил отец Андрей. — Теперь видите?

— По-моему, да, — ответила Евгения. — Но я... не уверена.

Дьякон пошевелил рукой — луч фонарика упал на землю под другим углом. И Евгения наконец увидела.

— В самом деле, цифры! — воскликнула она, присаживаясь на корточки. — И не только цифры. Тут есть еще буква. Буква «А»!

— Не затопчите, — сказал отец Андрей. Он вновь принялся методично осматривать землю — участок за участком. На этот раз Женя с ним не спорила, а наоборот — приняла в его поисках самое непосредственное участие.

«Все лучше, чем стоять под кладбищенскими березками и тарашиться на ползающего на четвереньках священника», — сказала она себе.

Однако дальнейшие поиски оказались безрезультатными. Больше никаких цифр или знаков на земле Евгения и отец Андрей не обнаружили и вынуждены были окончить поиски. Отец Андрей закурил сигарету, а Евгения, которая терпеть не могла табачного дыма, встала с наветренной стороны и сказала:

— Цифры и одна буква. И это в полутора метрах от могилы. Их мог намалевать кто угодно.

— Будем, однако, исходить из того, что их «нама-левали» неспроста, — сказал отец Андрей.

— Возможно, эти знаки начертил на земле сам Кишлевский, — с холодной иронией предположила Евгения. — В тот момент, когда выбрался из гроба и отряхнул с одежды могильный прах.

Она думала, что дьякон усмехнется и ответит какой-нибудь шуткой, но отец Андрей был необычайно серьезен. Он молча курил сигарету. Тусклые вспышки освещали его худые щеки и темные, глубокие тени вокруг мерцающих глаз.

— Вы знаете, что означают эти цифры? — прямо спросила Евгения.

Лицо дьякона помрачнело, голос прозвучал тише и суровее.

— Я думаю, что эти цифры указывают на Священное Писание, — сказал он. — Запишите их, чтобы не забыть. А позже мы проверим, прав ли я.

Евгения достала из сумочки блокнот и ручку и записала:

А 13-11 18

Когда отец Андрей и Евгения, тихо переговариваясь, шли к кладбищенским воротам, из-за темных деревьев на освещенную фонарем дорожку вышел человек. Несколько секунд он просто стоял на дорожке, затем быстро зашагал навстречу дьякону и Евгении.

Евгения остановилась и сунула руку в карман, где у нее лежала связка ключей с массивным брелоком, которую при необходимости можно было использовать как кастет.

Отец Андрей заслонил собой девушку и тоже остановился.

— Отче! — громко сказал мужчина, подходя к дьякону. — Отче, мне нужно с вами поговорить!

Незнакомец был невысок, но коренаст. Его лоб и брови скрывал капюшон черной куртки.

— Мы с вами знакомы? — спросил отец Андрей, вглядываясь в лицо мужчины.

Тот покачал головой:

— Нет. Но я видел вас возле могилы Кишлевского. Вы ведь приехали сюда по заданию Патриархии?

— Откуда вы знаете? — насторожился дьякон.

— Слухи, — уклончиво ответил мужчина. Он недоверчиво покосился на Женю и сказал, понизив голос: — Отче, я бы хотел поговорить с вами наедине.

— Лейтенант Гранович — моя коллега, — сказал дьякон. — Можете смело говорить при ней.

Незнакомец усмехнулся и отрицательно покачал головой.

— Она не поверит. Сочтет меня сумасшедшим.

— Либо при ней, либо никак, — отрезал отец Андрей.

Незнакомец подумал, вздохнул и пробормотал:

— Хорошо. В конце концов, это не так уж важно. По крайней мере, не важнее того, что я хочу сообщить. Отче, я знаю, кто похитил тело Кишлевского. Более того, я знаю, кто его убил.

6

— Я видел его, — продолжил незнакомец. — Видал убийцу. И он... не человек.

— Что это значит? — спросила Евгения.

— Я смотрел ему в лицо, когда он вошел в церковь, — сказал незнакомец, по-прежнему глядя только на отца Андрея. — Но сейчас я никак не могу вспомнить... — Мужчина виновато улыбнулся и привычным движением потер пальцами лоб. — Не могу

вспомнить, — глухо повторил он. — И это выводит меня из себя.

— Вспомнить что? — спросил отец Андрей.

— Лицо, — тихо ответил незнакомец. — Его лицо. У меня хорошая память. Я помню лица всех прихожан, с которыми встречался отец Кишлевский в тот день. Но его лица я не помню.

— Вас этостораживает?

— Нестораживает? — Мужчина усмехнулся. — Меня это пугает.

Незнакомец действительно выглядел испуганным. Он то и дело принимался вертеть головой, словно боялся внезапного нападения.

— Что вы сами об этом думаете? — спросил вдруг незнакомца дьякон.

— Я? — Мужчина нервно усмехнулся. — Я думаю, что это был дьявол.

Дьякон и Женя переглянулись. Женя, которую рассказ незнакомца сначала напугал, а затем рассердил, решила взять инициативу в свои руки.

— Для начала успокойтесь, — строго сказала она незнакомцу. — И представьтесь. Кто вы и что здесь делаете?

Пристальный взгляд мужчины скользнул с дьякона на девушку, затем опять уперся в глаза священнослужителю.

— Ваша спутница не верит мне, — сказал он нервным голосом. — Но я видел его. Видел собственными глазами.

— Вы прислуживаете в церкви? — осведомился отец Андрей.

Незнакомец кивнул:

— Да. Уже год. Год назад отец Кишлевский помог мне найти дорогу к Богу. С тех пор я часто прихожу в церковь. Помогаю, чем могу.

— Вы нигде не работаете?

— Я бывший военный, а теперь пенсионер, — объяснил незнакомец.

— Было бы неплохо, если б вы представились.

Незнакомец вновь быстро огляделся по сторонам и сказал, понизив голос:

— Меня зовут Петр Каменков. Но это не имеет никакого значения. Смерть Кишлевского — это только начало. Впереди нас всех ждут тяжелые и страшные испытания.

Слова эти, сказанные поздним вечером среди голых деревьев, освещенных тусклым, покачивающимся на ветру фонарем, в окружении могил и могильных холмов, прозвучали зловеще. Евгения вдруг с особой остротой ощутила запах сырой земли и гниющих прошлогодних листьев, прелые черные кучи которых лежали по обеим сторонам центральной аллеи.

Первым прервал молчание отец Андрей.

— Человек, о котором вы говорили, приходил на исповедь? — спросил он.

Мужчина кивнул:

— Да. Он вошел в исповедальную будку за минуту до ксендза. А вышел раньше. К тому моменту Кишлевский был уже мертв.

— Вы рассказали об этом следователю? — спросила Евгения.

Мужчина посмотрел на нее задумчивым взглядом и покачал головой:

— Нет.

— Почему?

— Если человек встретился с дьяволом, он идет не к следователю, он идет к человеку церкви. Дьявол — вне вашей юрисдикции, девушка. И боюсь, вне вашего понимания.

— И все же я попробую вас понять. Как он был одет?

Женя думала, что мужчина начнет возражать или

спорить, но тот ненадолго задумался, после чего спокойно ответил:

— Длинное черное пальто. Среднего роста, стройный. Его лица, как я уже сказал, я совершенно не помню.

Вероятно, последняя фраза натолкнула незнакомца на какие-то другие, более важные и тревожные мысли, на что-то, о чем он долго думал, но вот сейчас забыл рассказать. Он быстро повернулся к дьякону и выпалил взволнованным голосом:

— Я еще хотел сказать... Когда я нашел падре в исповедальне, у него с лицом было что-то... неправильное.

— Что вы имеете в виду?

На губах мужчины появилась растерянная улыбка.

— Оно было почти черным. Как обугленная головня. Но к приезду оперативников с его лицом снова все было в порядке.

Евгения посмотрела на мужчину твердым, спокойным взглядом.

— Вы пьяны, — сказала она. — От вас пахнет алкоголем. Вы много выпили сегодня?

— Ровно столько, чтобы прийти в себя, — ответил мужчина. — Простите, святой отец, но я должен идти.

Мужчина повернулся и, сгорбившись, с капюшоном на голове, быстро зашагал по центральной аллее.

— Пойдите! — окликнула его Евгения. — Подождите!

Мужчина остановился, но не обернулся.

— Вы должны дать официальные показания! — крикнула ему Евгения. — Как с вами связаться?

Мужчина еще несколько секунд постоял молча. Затем задрал голову и посмотрел на небо.

— Скоро будет гроза, — сказал он. — Большая гроза. Помолитесь за меня, отче. Помолитесь за всех нас.

Мужчина снова сгорбился и торопливо зашагал в

сторону кладбищенских ворот. Евгения посмотрела ему вслед, поехала от холода и перевела взгляд на дьякона.

— Как вам этот сумасшедший? Видите ли, Кишлевского убил дьявол. И он же похитил тело ксендза из могилы. Большею чуши и придумать нельзя.

— Но ведь могила Кишлевского пуста, — задумчиво проговорил отец Андрей.

Женя посмотрела на дьякона удивленно.

— Не слишком подходящее место для шуток, — сказала она. — Я предпочитаю искать всему разумное объяснение.

— Какое, например?

Женя пожала плечами.

— Этот человек пьян. Не исключено, что он алкоголик. Люди, страдающие белой горячкой, часто видят галлюцинации.

Отец Андрей кивнул в сторону пустой могилы и сказал:

— Но ведь это не галлюцинация. Да и не похож он на человека, страдающего белой горячкой.

— Иногда глупости мерещатся и трезвому человеку, — строго сказала Женя. — Особенно если он сильно чем-то расстроен или потрясен. Прочтите об этом у Юнга.

Отец Андрей был хмур и задумчив. Видно было, что встреча с кладбищенским алкоголиком произвела на него гнетущее впечатление.

«Какой чувствительный, — подумала Женя, искоса поглядывая на дьякона. — А еще мужчина». Но от чего-то чувствительность отца Андрея вызвала у нее симпатию. Вглядываясь в лицо дьякона, она открыла, что он весьма и весьма недурен. Ему бы еще снять этот нелепый подрясник и надеть что-нибудь попримечнее — получился бы видный парень. Впрочем, подрясник придавал ему шарм. В этом было что-то романтическое.

— Если этот человек говорил правду и Кишлевского убили, то нужно заняться тщательными поисками улик, — сказала Женя. — Пока улик нет — нет и преступления.

— Иногда улик нет, а преступление есть, — заметил дьякон.

Евгения усмехнулась и поправила пальцем очки.

— Принцип Локара гласит, что между преступником и жертвой на месте преступления всегда происходит обмен вещественными доказательствами, хотя бы на уровне микрочастиц. Это знает каждый криминалист.

Она покосилась на дьякона, ожидая его возражений, но вместо ответа он выставил вперед руку ладонью вверх, задрал голову и сказал:

— Дождь начинается.

И тут же, словно кто-то наверху дожидался этих слов, с неба хлынул настоящий ливень.

— Бежим! — крикнула Евгения.

— Но там ямы! — возразил дьякон.

— Но так быстрее!

Дьякон хотел еще что-то сказать, но Женя его уже не слушала. Пригнув голову, она побежала к автостоянке напрямик — мимо свежерытых могил. И она их почти миновала, когда вдруг поскользнулась на мокрой глине, упала и кубарем покатилась в черный провал могилы.

7

Младший лейтенант Евгения Гранович сидела на диване, закутавшись в красный махровый халат отца Андрея. Из-под полы халата торчали ее узкие ступни в белых шерстяных носках. Влажные светлые волосы

девушки были распущены. В руках Женя держала огромную чашку с горячим чаем.

Сделав глоток чая, который обжег ей язык, Женя сказала:

— Спасибо за то, что приютили и обогрели. Не знаю, что бы я без вас делала.

Лицо девушки было хмурым и сосредоточенным — похоже, это выражение не покидало его никогда.

— Что вы сказали маме? — спросил отец Андрей, закуривая сигарету.

— Сказала, что переночую у подруги. — Евгения усмехнулась. — Если бы она узнала правду...

Дьякон бросил спичку в пепельницу и спросил:

— Она бы ужаснулась?

Евгения покачала головой:

— Нет. Она пришла бы в дикий восторг. Она считает, что я слишком правильная. Не пью, не курю, почти не обращаю внимания на противоположный пол. Моя мама совсем не такая.

— Обычно бывает наоборот, — заметил дьякон.

— Обычно да, — задумчиво ответила Евгения. — Вы обещали рассказать, что означает буква «А» и эти числа — тринадцать-одиннадцать и восемнадцать.

Сигарета дотлевала, и отец Андрей затушил ее о дно пепельницы.

— Буква «А» может обозначать Апокалипсис. Тринадцать — номер главы Апокалипсиса. А одиннадцать и восемнадцать...

— Это номера стихов! — договорила за него Женя, возбужденно блеснув глазами. Она поставила чашку с недопитым чаем на стол, протянула руку к тумбочке и взяла Евангелие. Затем зашелестела страницами в поисках нужных строк.

— Я могу прочесть вам эти строки наизусть, — сказал отец Андрей.

— Не надо. Я уже нашла. Вот: «И увидел я другого зверя, выходящего из земли. Он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон». — Женя подняла взгляд на отца Андрея и спросила: — Зверь, о котором здесь говорится, это ведь Антихрист?

Дьякон кивнул.

— Похоже, все гораздо сложнее, чем я думала, — сказала Евгения, нахмутив лоб. — Не удивлюсь, если человек, похитивший тело Кишлевского, окажется сумасшедшим. Нынче у многих едет крыша на религиозной почве.

Женя вновь опустила взгляд на страницу, отыскала глазами второй стих и снова прочитала вслух:

— «Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое. Число его — шестьсот шестьдесят шесть». — По губам девушки пробежала усмешка. — Число Антихриста, — проговорила она презрительно. — Неужели все настолько банально?

Отец Андрей пристально посмотрел на девушку. Потом, отпив немного из своей чашки, откинулся на спинку кресла и пощелкал языком.

Женя пожала плечами и еще раз перечитала строки Апокалипсиса. Зверь с рогами, как у агнца, выходящий из земли... Число шестьсот шестьдесят шесть... Со страниц Нового Завета на нее словно повеяло спертым и душным воздухом Средневековья. И это в двадцать первом-то веке! Какая чушь!

Дьякон меж тем закурил новую сигарету.

— Итак, давайте рассуждать логически, — заговорил он после того, как швырнул спичку в пепельницу. — Отец Кишлевский умер. Причина смерти — внезапная остановка сердца. Незадолго до смерти Кишлевский принимал исповедь у загадочного прихожанина. Прихожанин ушел, а Кишлевский остался сидеть в исповедальной будке, поскольку к этому моменту он был уже мертв. Вывод: священника убил та-

инственный прихожанин. Свидетель — Петр Каменков — утверждает, что этот прихожанин — дьявол.

Женя отхлебнула чай и сухо произнесла:

— Тело Кишлевского выкопал из могилы кладбищенский сторож. Выкопал, чтобы добраться до золотых часов. Забрав часы, он избавился от тела. А когда узнал, что разоблачен, — испугался и повесился. Помоему, все просто.

— По-вашему, именно так поступают люди, когда пугаются? — поинтересовался дьякон.

Женя пожала плечами.

— Кузнецов действовал в состоянии аффекта. Не исключаю, что он был пьян. Ну, или находился под действием какого-нибудь наркотика. Уверена, что экспертиза это подтвердит.

Дьякон прищурил золотисто-карие глаза.

— Ваша версия звучит логично, — сказал он. — Но не забывайте о том, что нам рассказал Петр Каменков.

— Если у вас есть своя версия — изложите ее, — сказала Женя строгим голосом.

— Пожалуйста, — кивнул отец Андрей. — Незвестный преступник сначала убил священника, а потом выкопал его тело из могилы. Копать ему помогал сторож Кузнецов. Когда дело было сделано, Кузнецов получил в награду золотые часы священника.

Женя задумчиво посмотрела на свои пальцы, сжимающие ручку чашки.

— Но кому мог понадобиться мертвец? — спросила она. — И потом, что значит этот след ботинка на рыхлой земле? Вы ведь не думаете, что Кишлевский сам встал из гроба?

Отец Андрей выдохнул густую струю дыма и отхлебнул из чашки. На мгновение он представил себе, как ксендз Кишлевский встает, подобно вурдалаку, из могилы, отряхивает с одежды пыль и грязь и, безумно